

Знание дисциплинарное и/или дисциплинирующее:

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СЕМИОТИКИ

ЯН ЛЕВЧЕНКО

ЕСТЬ ЛИ вообще такая проблема — преподавание семиотики? Как определенное научное мировоззрение, как метаязыковая парадигма, как совокупность подходов (или отходов) семиотика существует исключительно в предметной референции: она не может быть семиотикой как таковой, если только речь не идет о *mathesis universalis* Рамона Луллия, Готфрида Лейбница и других утопических проектах прошлого, предшествовавших появлению науки в ее современном дисциплинарном понимании. То есть семиотика без генитива — аналог методологии в терминах последователей Георгия Щедровицкого, то есть всеобщая теория мышления, принципиально не имеющая предметных границ и компенсирующая их отсутствие эзотерическим языком, замкнутым на себя. Семиотика переосмысливается в политико-институциональном ключе, намереваясь потеснить философию, поскольку лишается своего предмета.

Характерное положение складывается на конгрессах в рамках International Summer Institute of International Assosiation for Semiotic and Structural Studies (ISI IASSS) в Иматра, Финляндия. Это дорогостоящее светское мероприятие объединяет десятки специальностей. В конгрессе принимают участие философы, математики, логики, биологи, социологи, политологи, экономисты, историки науки, лингвисты, искусствоведы, специалисты по Cognitive Science и Cultural Studies. Пленарные заседания конгресса открывают доклады с названиями типа «Understanding and Misunderstanding» и «Sign Function in Cultural Space», далее следуют панели, ориентированные на вполне традиционную от-

раслевуую номенклатуру. Странно было бы ожидать полноценного диалога между представителями столь различных дисциплин, если условиями для их объединения служит интерес к знаковой функции изучаемого объекта. Зимой 1998 года я ездил в составе студенческой группы на мемориальную «школу по семиотике» в поселке Кяэрику недалеко от Тарту, проходившую в тех же стенах, что и знаменитые «летние школы» 1960-х. В течение одного дня мне довелось пообщаться с профессором Карлом Аймермахером, известным своими работами по истории семиотики в СССР, и услышать на круглом столе корреспондировавшие с этой частной беседой реплики моих старших коллег из Тарту. Профессор Аймермахер жалел, что серьезные ученые тратят время на жонглирование опустошенными означающими, размышляя о семиотике вообще. В более простых словах он изложил то, что более точно и глубоко прописал в предисловии к переизданию своих ранних работ профессор И. П. Смирнов, а на материале кино признали М. Б. Ямпольский и Ю. Г. Цивьян¹. Напротив, «местное» крыло тартуско-московской школы было настроено позитивно, говорило о впечатляющих научных перспективах. Кафедра семиотики по понятным причинам не сомневалась в своей полезности для университета. Институционализация ранее опального научного метода рассматривалась как дальнейшее развитие брэнда, по счастью не нуждающегося в раскрутке. Надо было соответствовать.

Между тем, институционализация — это даже не первый признак стагнации, а ее уверенная стадия. Экспансии семиотики в иные среды и ее попытки обрести статус самостоятельной области знания постепенно улеглись. Зато теперь во многих научных центрах Европы и США функционирует несколько программ, готовящих специалистов по семиотике. Университет в Болонье (Италия), Берлинский технический университет, Университет Лунда (Дания), Университет Хельсинки, Колледж Виктория при Университете Торонто и Университет в Блумингтоне,

1. Смирнов И. П. Мерси, семиология // Смирнов И. П. Смысл как таковой. СПб.: Академический Проект, 2002. Ямпольский пошел по другому пути: ко всем статьям 1980–1990-х, которые были собраны в сборник, он присовокупил короткие предисловия «из настоящего»: *Ямпольский М. Б. Язык — тело — случай: Кинематограф и происки смысла*. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Последний по времени случай аналогичного демарша см. в новой книге Юрия Цивьяна, которому заказали исправить и дополнить старую книгу «Историческая рецепция кино», вышедшую в Риге в 1991 году, а он вместо этого написал новую, манифестирующую отход от семиотики: *Цивьян Ю. Г. На подступах к карпалистике. Движение и жест в литературе, искусстве и кино*. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

штат Индиана. С одной стороны, логика научных революций по Томасу Куну соблюдается неукоснительно, с другой стороны, возникает вопрос, что там преподают. Есть ли дисциплина, преодолевшая произвольность *ad hoc* высказанных гипотез и терминологических проекций?

Надо заметить, что семиотика энергично включается в «парадигму подозрительности»², столь важную для XX в. — времени кризиса европейской метафизики. Семиотика — фальсификационный (в смысле Карла Поппера) механизм анализа, проникающий в структуру знания по мере его роста. Так выражается сомнение в тождестве истинного и ощущаемого. Показательно, что очередной после Просвещения виток актуализации семиотики пришелся на конец XIX в. Практически одновременное появление семиотической методологии в науках о природе (Якоб фон Юкскуль) и в науках о духе (Фердинанд де Соссюр) отразило кризис идентичности, ярко воплощенный Ницше с его «смертью Бога» и «доктриной сверхчеловека». Перевод различных сфер знания на язык семиотики теоретически исчерпывал присущий им научный потенциал, так сказать, «закрывал» парадигмы. Далее развитие могло проходить только по линии ослабления научности, что и наблюдается в наши дни. Вопреки распространенному предубеждению о молодости семиотики как научной дисциплины ее основные аксиомы устойчивы со времен платоновского «Кратила» и грамматики Панини — это презумпция знакового характера реальности, для понимания и обсуждения которой требуется владение рядом символических систем. Если семиотика научна, то никак не молода; если молода, то ненаучна, ибо заявляет о преодолении дисциплинарной узости науки. Возможно, это прототип «другой» науки. «Другой» может быть такая организация знания, которая отличалась бы гибкой, слабой, парадоксальной структурой, не заикленной на идее порядка, причинности, иерархии.

Семиотика как провокация — вдохновляющий проект, чья идея, однако, не нова со времен Ролана Барта, видевшего задачу

2. О «философии подозрительности» говорит, в частности, Поль Рикёр, прослеживающий ее сюжет от Маркса как разоблачителя «ложного сознания» до Ницше с его волей к преодолению человеческого и Фрейда с его учением о неврозах, которые тоже суть не что иное, как шифр, способ сокрытия действительности. «Отныне искать смысл не значит разбирать по складам осознание смысла, а значит расшифровывать выражение смысла в сознании. Надо не противостоять им в их сомнении, а понять их хитрость» (Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Медиум, 1995. С. 231–232). Обзор концепций «подозрительности» см. в: *Strowick E. Comparative Epistemology of Suspicion: Psychoanalysis, Literature, and the Human Sciences // Science in Context. 2005. No. 18 (4). P. 649–669.*

семиолога в том, чтобы не охранять, но взламывать коды³. Поддается ли такая тактика преподаванию в университете? Более того, нужно ли это? Обучение методу обеспечивается симбиозом персонального контакта и овладения литературой по теме с помощью языка библиографических ссылок. В то же время, aberrации в ходе обучения оказываются рычагами культурного обновления. Непризнание конструктивной роли ошибки в научном (в смысле, самостоятельном, не учебном) процессе ведет к онтологизации и вырождению метода. Во взаимосвязи метода с наличной традицией есть своя изящная диалектика, хотя интересует она, скорее, те сотни научных работников, которые так или иначе обслуживают миллионы потребителей. Если академические проблемы, как правило, разрешаются посредством пересмотра конвенций (что считать правдой, а что не считать), то с переводом науки в прикладную дидактику этого будет недостаточно. Сколько бы наука ни провозглашала свою диалектичность и демократичность, ее потребитель (в первую очередь, студент) алчет позитивной институционализации, где ученый наставник сохраняет за собой авторитет, а его ученик получает прагматически ориентированное знание, в идеале — набор техник. Двадцать лет назад один из вариантов такой программы предложил польский семиотик Ежи Пельц в своем докладе на IV конгрессе IASS (1991)⁴. На этом характерном примере, отчасти отвечающем на вопрос о возможности преподавания семиотики и провоцирующем новые вопросы, я бы хотел слегка задержаться.

Если проявить нарочитый буквализм и считать институционализацией повсеместное возникновение институтов изучения и преподавания семиотики внутри университетов, то этот процесс в 1980–1990-е протекал весьма успешно. Победная поступь либерального капитализма обеспечила университетам сравнительно малую зависимость от политики государства, наличие самостоятельного бюджета, свободный план выпуска и т. п. Это могли позволить себе университеты по обе стороны Атлантики, хотя перевес США был всегда впечатляющим. Медицинские специальности, информационные технологии и фундаментальные науки — вот три кита, на которых держался и продолжает держаться материк либерального университета. Их ликвид-

3. Программная статья на эту тему датирована 1974 годом. См. перевод С. Н. Зенкина: *Bart P. Семиология как приключение* // *Arbor Mundi*. 1993. № 2. С. 79–87.

4. *Pelc J. Teaching Semiotics and Its Institutionalisation* // *Sign of Humanity*. Vol. III. (= *Proceedings of the IV International Congress. Approaches to Semiotics 107*) / M. Balat, J. Deledalle-Rhodes (Eds.). NY, Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. P. 1749–1760.

ность обеспечивает право на существование социально-гуманитарному знанию, которое некоторое время питало надежды на превращение в науку. Оно включено в процесс создания институций, в частности, в проектную деятельность — по аналогии с аэрокосмической физикой и технологией пищевой промышленности. Только, в отличие от фундаментальных и прикладных дисциплин, спекулятивное и /или генерализующее знание (наподобие той же семиотики), не работает по проектному плану. Вернее, работает формально и делает вид, что его результаты формализуемы. В действительности же такое знание бежит всякой строгой формализации. Иначе это будет какое-то другое знание, не имеющее отношения к человеку. Даже изучение самовозрастающих структур, типа фракталов, имеет в виду человека, пусть исключенного из процесса, но остающегося его основным наблюдателем. Пока социально-гуманитарное знание обольщалось идеей строительства большой теории, оно воевало с университетской номенклатурой XIX века, но как только оно добилось успеха в том, что касается институционализации, подоспела, по выражению Бориса Гройса, плохая новость: «Теория умерла»⁵.

Профессор Пельц упомянул в своем выступлении, что широкое наступление семиотики по образовательному фронту реализовалось, среди прочего, в учреждении в 1987 г. сразу двух институтов преподавания семиотики — в Торонто у Поля Бюссака и в Палермо под руководством профессора Буттитта. Тогда же при участии самого Пельца краеугольный камень был заложен в серию энциклопедических словарей (посвященных семиотическим аспектам психологии, лингвистики, философии)⁶. Стартовавшая затем «словаризация» отрасли — одно из подтверждений функционирования «нормальной» науки в терминах Куна — то есть науки, превратившейся в институцию, ориентированную на самовоспроизведение. Возможно, это полезно

5. Теории «пропали без вести как настоящие герои в борьбе за доказательство собственного существования. Но, разумеется, имеются и теории, которые на своем существовании не настаивают и поэтому, как кажется, выживают» (Гройс Б. Новости с теоретического фронта // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 51).

6. Речь идет об активном участии профессора Пельца в составлении первого крупного *Encyclopedic Dictionary of Semiotics*. Vols. 3/Th. A. Sebeok (Ed. in Ch.), P. Bouissac, M. Danesi, J. Pelc, R. Posner, et al. (Eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 1986. Именно этот ключевой компендиум санкционировал появление таких популярных впоследствии книг, как: *Handbook of Semiotics*/W. Nöth (Ed.). Bloomington: Indiana University Press, 1990; *Encyclopedia of Semiotics*/P. Bouissac (Ed.). NY: Oxford University Press, 1998; *Danesi M. Encyclopedic Dictionary of Semiotics, Media and Communications*. Toronto: University of Toronto Press, 2000 и др.

для физики, имеющей конкретный объектный уровень, но в отношении семиотики, такого уровня не имеющей и ориентированной на экспансию метаязыка, составление словарей означает не более чем самовоспроизведение, укрепление позиций ради них самих.

Пельц утвердил фактор противостояния энтропии семиотической парадигмы в учреждении «систематического университетского образования по семиотике и наукам коммуникативного профиля по всему миру»⁷. Подход этот оправдан, если понимать образование исключительно как «латентное знание, осознаваемое нами посредством ощущения интеллектуальной силы, основанной на этом знании»⁸. Однако современное общество чрезвычайно остро ставит проблему валидности образования, которое не конвертируется в эффективную технологию. Даже на фоне филолога, в худшем случае досконально знающего родной язык, а в лучшем — несколько иностранных, историка, переписывающего мифы, и социолога, эти мифы обслуживающего, дипломированный семиотик занимает в наше время примерно такое же место, какое в конце XIX в. занимал историк и теоретик литературы, о чем сетовал А. Н. Веселовский, открывая издание «Трех глав из исторической поэтики». Другими словами, семиотика — это и вся, и ничья территория.

Рассмотрим пример. В 1990-е гг. на факультете антропологии Нового Болгарского Университета в Софии действовала магистерская программа по семиотике, которая в настоящее время перекалфицирована на программу PhD — сказался фактор спроса, обусловленного безошибочной интуицией о неприменимости данной специальности на таком образовательном уровне. В качестве базовых теоретических дисциплин в программе заявлены: «введение в семиотику», «общая семиотика», «семантика (значение и смысл в языке)», «прагматика», «синтаксис», «классическая семиотика Ч. С. Пирса» в трех частях, а также общий курс по (пост) структурализму, деконструкции и герменевтике. Далее программа в ее старом, магистерском изводе, расходилась на когнитивную семиотику («семиотика и коммуникация», «язык логики и логика языка» и пр.) и прикладную семиотику (семиотика литературы, кино, театра, архитектуры, визуальных искусств, города, балканского фольклора и пр.). Очевидна традиционная логико-лингвистическая ориентация программы, идентичная той, что предлагается, как правило, в рамках специальностей «общее языкознание» и «структурная и математическая лингвистика» с добавлением дисциплин культу-

7. Pelc J. Op. Cit. P. 1751.

8. Полани М. Личностное знание. М.: Наука, 1985. С. 152.

рологического цикла. Что же касается прикладной семиотики (праксеосемиотики), то можно уверенно заявить, что каждый курс в рамках этого направления читался представителем конкретной узкой специальности, который в ритуальных целях использовал слова «знак», «коммуникация», «модель», «сигнификация» и т. п. Так, по собственному признанию, делал и профессор Пельц, ведя семинары в институте философии Польской АН. Это «вело к чрезвычайно важному терминологическому сходу, к осознанию семиотики частью философии, а также к пониманию семиотического форума как такого, на котором встречаются различные дисциплины»⁹.

Заслуга семиотики в реинтеграции научного знания несомненна, однако для того, кто с самого начала попадает в объемную пестроту семиотического метода, этот опыт не принесет никакого позитивного результата. Не зря, например, в работах, посвященных тартуской школе, отсутствие генерального семиотического курса в университетской программе зачастую представляется оправданным: «Можно преподавать классическую семиотику, но трудно преподавать семиотику тартуской школы, передать особенности специфического семиотического мышления. Отказ от этого может быть вызван страхом внутреннего профанирования тартуской семиотики, так как теоретическая смелость ее представителей опирается на эрудированность, знание фактов. Студенты не могут иметь эрудиции, достаточной для понимания концепций, созданных *ad hoc* в процессе анализа конкретного материала»¹⁰. Можно быть лингвистом, археологом, медиком и при этом интересоваться семиотикой, но, пожалуй, не наоборот. С этим связан, среди прочего, переход от магистерской ступени к докторской в ходе функционирования болгарской семиотической программы. Дипломированный специалист имеет право семиотизировать свой метод в отношении конкретного материала, если считает этот шаг оправданным.

На начальном этапе своей семиотической карьеры профессор Пельц основал Отделение логической семиотики, что в контексте академического института философии было закономерно и полезно. Подобное учреждение задает необходимый метауровень работе узких специалистов, заставляет взглянуть на предмет с другой точки зрения. Функционирующая при таком отделении система ограниченного набора специалистов, претендующих на степени PhD, может быть вполне эффективной. Широкий профиль обладателя ученой степени по семио-

9. *Pelc J.* Op. Cit. P.1753.

10. *Torop P.* Тартуская школа как школа // Лотмановский сборник 1. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 234–235.

тике позволит ему сделать университетскую карьеру по целому комплексу гуманитарных специальностей. При этом поступать на семиотику может всякий, кто получил МА или бакалавра по любой дисциплине. Уже в отношении более поздних проектов под эгидой IASS Пельц декларировал, что не имеет дисциплинарных предпочтений и не собирается никого ограничивать «пока эта специальность входит в число наук, преподаваемых в данном университете»¹¹. Вообще, характерная бюрократическая оговорка. Вполне в духе своей ригидной и консервативной парадигмы Пельц считал возможным целостное здание семиотической методологии. Его фундамент должны составлять лингвистика, логика и философия языка, психология и эпистемология, теоретическая информатика, социология культуры и медиа, методология науки. Типичная запоздавшая утопия — мало того, что «главных» дисциплин оказывается слишком много; невозможно даже обеспечить все заявленные курсы первоклассными лекторами в одном месте и в одно время. Обычно приходится учитывать ситуативные сложности, в результате которых студент ходит на курсы, объявляемые в разное время разными факультетами; грубо говоря, «набирает пункты», а не пополняет свой научный багаж. Наконец, идея профессора Пельца о межфакультетской специальности, которая бы руководилась неким общим Институтом Семиотики¹² — это завершение утопии, придание ей централизованного облика. С одной стороны, вполне модернистский мираж, с другой — образец современной бюрократии, убежденной в самоценном характере Институции.

У Института, разумеется, есть сверхзадача. По мнению профессора Пельца, необходимо «оградить семиотику от очередного превращения в дремлющую дисциплину»¹³, как это случается в периоды ее исторической деактуализации. Спрашивается, зачем? Затем, что инкорпорирование семиотики в структуру университета автоматически изменяет ее прагматику. Она перестает быть отражателем, посредником. Но ведь это и есть ее задача — не только на философском, но и на институциональном уровне! Только что речь шла о распылении семиотики между факультетами, и тут же — импликация ее онтологического статуса в новом качестве. Вторая причина, по которой, согласно Пельцу, необходимо провозгласить суверенность семиотики, — это взросление студентов, связывающих свои надежды и амбиции с семиотикой. Минувя риторический пафос этого аргумента, должно задаться вопросом: кто настроил этих студентов подоб-

11. *Pelc J.* Op. cit. P.1754.

12. *Ibid.* P.1755.

13. *Ibidem.*

ным образом? Странно предполагать, что они сообщат семиотике заряд своей личной энергии, как это предположил профессор Пельц. Источник этой энергии остается неясен.

В отличие от рассуждений о студенческой мотивации, организационная сторона получила у Пельца значительно более систематическое развитие. Как настоящий бюрократ он продемонстрировал в своем выступлении глубокое и всестороннее знание путей реорганизации факультетов, кафедр и прочих элементов университетской структуры. В частности, для начала 1990-х большим прорывом можно считать идею стадийного обучения, предполагающую распределение нагрузки в соответствии с возможностями кафедры. По мнению профессора Пельца, на начальном этапе работы достаточно иметь одного «квалифицированного и энергичного профессора по семиотике с необходимым логико-философским и лингвистическим фоном»¹⁴. В сущности, разговор о проблеме преподавания упорно подменяется разговором об эффективном позиционировании. Политика вытесняет предмет — этот процесс за последние два десятилетия только набирает обороты, все более смело реализует и превосходит стратегии «общества спектакля» (Ги Дебор). Начиная от создания неформальной группы, которая бы всячески демонстрировала свою лояльность в отношении привычного уклада внутри учреждения, и кончая открытием временной или постоянной лаборатории семиотических исследований при том или ином отделении процесс интеграции семиотики в структуру университета можно считать идеально спроектированным. Теперь самое время вновь задаться вопросом о целях этой институционализации¹⁵. И, скорее всего, так и не до-

14. Ibid. P.1757.

15. Виртуозы по части подобной изворотливости работали в свое время в СССР, где перед ученым в иных случаях вставала проблема реального выживания, а не только поиска другого места с худшей зарплатой. Приведу, в частности, воспоминания о так называемом «Объединении по машинному переводу»: «Никакого документа, конституирующего это Объединение, никогда не было. Термин „объединение“ был выбран чрезвычайно удачно — не „институт“, не „лаборатория“, не „общество“, а неизвестно кого (или что) объединяющее объединение. Было совершенно неясно — и в этом была сила замысла — из кого или из чего состоит это Объединение, и вообще, состоит ли оно из чего-нибудь. Это не мешало объединению собираться на заседания $\frac{1}{4}$ — нет, не так, а вот как: это не мешало проводить важные заседания, называемые (чтоб не придирались) заседаниями Объединения по машинному переводу» (*Успенский В. А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и Розенцвейг В. Ю.: Как это все начиналось (заметки очевидца) // Wiener Slavistischer Almanach, Sbd 33: Festschrift a. V. Ju. Rozenecvejg, Wien, 1992. С.125*).

ждавшись внятного ответа, попрощаться с тем живым знанием, в которое Барт устремлялся, как в «приключение».

Каждая дисциплина «вынашивает» семиотические идеи в недрах своего теоретического наследия. Переиначивая идеи Поля де Мана, высказанные им в 1970-е гг. по поводу теории литературы, можно заключить, что рождение «настоящей» семиотики, к которой долгое время стремились ученые различных дисциплинарных полей, привел бы их к окончательному отрыву от объекта и дальнейшей импотенции метода. Теория, по де Ману, репрессивует случайное, игнорирует произвольную фигуративность языка, вменяет ему символический порядок. Тогда как единственный присущий ему порядок называется грамматикой (кстати, он тоже навязан извне)¹⁶. Глобальность подхода и лавинообразный рост числа семиотиков, который подразумевал в своем утопическом выступлении профессор Пельц, обернулись потерей престижа семиотики как неуловимого и эзотерического метода. Хотя лично польский ученый здесь, конечно, не при чем.

16. Де Ман П. Борьба с теорией // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 6–23.